

Старец, увидев это, с улыбкой погладил бороду, взмахнул рукавом, и две души тут же покинули пределы хаоса...

Когда сознание У-ю вернулось, она открыла глаза и увидела вокруг лишь ослепительную белизну. Сначала она осмотрела свои руки и ноги — они были детскими. Потрогала лицо — кожа была нежной, как у младенца...

— Погодите, а где мой Ваньинь? — У-ю подскочила на месте, словно больной, восставший с одра, и тревожно огляделась.

Пока не заметила рядом с собой крошечный силуэт. Похоже, это была душа. Она сразу узнала младенческую душу Цзян Чэна. У-ю расплылась в материнской улыбке:

— Ой ты, мой Ваньинь, какой же ты миленький! Поглядите, какие глазки, какой носик, посмотрите, какой...

— Он же глаза закрыл, как ты можешь знать, большие они или нет? — старец, слушавший это бесконечное самолюбование, не выдержал и прервал её.

У-ю тут же парировала:

— Помилуйте, это же мой Ваньинь! У него просто обязаны быть большие глаза, высокий нос, вырастет настоящим красавцем...

Старец лишь безмолвно закатил глаза. Он тяжело вздохнул и произнес:

— Ладно, не буду с тобой спорить. Скажу лишь одно: раз ты не хочешь занимать чужое место и не желаешь переродиться в новом обличье, то отныне вы будете делить одно тело и одни мысли. Ваши чувства и переживания станут общими.

Помедлив, старец добавил:

— Разумеется, Небесный Путь не позволит ему знать всё то, что знаешь ты. Он сможет разделять твои эмоции, но не будет иметь доступа к твоим знаниям и умениям. Чему захочешь его научить — учи сама, не спеша.

Старец перевел дух и продолжил:

— Это пространство — пространство в горчичном зерне. Те, кто не принадлежит Небесному Пути, не почувствуют его присутствия. Поэтому для всех остальных Цзян Чэн останется один. Я сказал всё, что должен был. Дальше — сама.

Сказав это, старец растворился в воздухе, превратившись в поток света.

— Ну, бывай! — просияла У-ю, с радостью проводив старика, и вернулась к роли няньки-наблюдателя. — Ох, ну до чего же мой Ваньинь хорош, насмотреться невозможно!

И в тот самый момент, когда У-ю с нежностью смотрела на Цзян Чэна, до её слуха донеслось:

— Больно... кажется, я начинаю рожать.

Затем последовал другой голос:

— Госпожа Юй, я помогу вам пройти в покои. Глава ордена уже подготовил повитуху и кормилицу, я велела Жэньдуну позвать их, они сейчас будут.

У-ю догадалась, что происходит, и принялась трясти за плечо младенческую душу рядом с собой:

— Цзян Чэн, просыпайся! Кажется, нас сейчас собираются родить!

Но в ответ — тишина.

У-ю подумала: Неужели... ещё не активировался?

Снаружи слышались беспорядочные, но в то же время деловитые шаги. Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем раздался громкий детский плач.

Пространство в горчичном зерне изменилось: белизна исчезла. Повеяло мягким ветром с ароматом лотосов, до слуха донеслось нежное пение птиц, а перед глазами заплескали размытые тени... И, конечно, раздался полный мощи крик Цзян Ваньиня.

У-ю просияла:

— О, Ваньинь, ты наконец-то активировался! Чю-чю-чю! — под её ласковые дразнилки ребенок снаружи постепенно утих.

В это время Цзян Фэнмянь, держа на руках Цзян Чэна, с нежностью смотрел на успокоившегося сына и принимал поздравления:

— Поздравляем главу ордена с рождением наследника!

Собрав воедино обрывки подслушанных разговоров, У-ю поняла: семья Юй дала ему имя Цзян Чэн, а семья Цзян пожаловала второе имя — Ваньинь.

У-ю подумала: Матушка всё-таки властная натура. Совсем не считается с правилами заклинательских кланов: не стала давать фамилию мужа, да ещё и право на второе имя отвоевала.

Она подтолкнула малыша рядом:

— Ваньинь, кажется, мы проголодались... Ваньинь... Ваньинь!

Ответа не последовало. У-ю вздохнула:

— Ладно, сама справлюсь. В прошлый раз я ждала, пока он проснется, а потом так кричала, что сердце разрывалось от голода. Ссс... не хочу это повторять.

И тогда...

У-ю: Кхм-кхм, внимание всем, я начинаю плакать! Хотя это и неловко, но один мудрец сказал: кто плохо ест, тот плохо думает. Так что... Уа-а-а!

Раздался звонкий плач, и Цзян Чэн получил свою порцию вкусной еды.

Позже...

У-ю: Ваньинь, когда мы хотим в туалет, нужно плакать вот так...

У-ю: Ваньинь, когда мы голодны, нужно плакать эдак...

У-ю: Ваньинь, мы...

Дни шли один за другим, и вот уже приближался праздник первого года жизни. В это время четырехлетняя Цзян Яньли почти каждый день приходила к Цзян Чэну и тихонько напевала ему колыбельные.

У-ю ворчала про себя: И что за глаза у этого Золотого Павлина? Назвал нашу сестру посредственностью? Это он называет посредственностью? С какими же девицами он обычно общается? Они ведь не в первый раз видятся. Даже если бы и не виделись — посмотри на нашего отца, посмотри на нашу мать. В конце концов, мы сами входим в пятерку рейтинга молодых господ из орденов, разве может наша сестра быть посредственной? Неудивительно, что потом он так быстро изменил свое мнение...

Настал день празднования. На банкете взгляд У-ю приковала пара: статный мужчина и прекрасная женщина, ведущие за руку прелестного ребенка.

У-ю подумала: Не то чтобы матушка уступала той женщине, просто у каждой своя красота. (Инстинкт самосохранения на высоте).

Семья из трех человек вела себя крайне скромно, но их сила не позволяла оставаться в тени. Глядя, как матушка, бросив на них мимолетный взгляд, пренебрежительно хмыкнула, а отец рядом замялся, У-ю догадалась: это же Вэй Усянь с родителями!

Оказывается, Вэй Усянь и Цзян Чэн встретились, когда были совсем крохами!

У-ю подтолкнула локтем Ваньиня:

— Ваньинь, посмотри туда, куда я указываю.

Когда Ваньинь проследил за её жестом, она продолжила:

— Да, именно на того маленького мальчика. Запомни, это наш будущий брат, с которым мы пройдем через огонь и воду.

Цзян Чэн, хоть и был мал, радостно кивнул:

— Мн-н!

У-ю продолжила наставлять его:

— Ваньинь, братьев по духу нужно завоевывать самому. Когда придет время выбирать предметы, я устрою переполох и заставлю его подойти ближе, а ты хватай его крепко-крепко! Ни за что не отпускай, даже если кто-то будет мешать!

Цзян Чэн:

— Мн-н!

У-ю увидела, как служанки расстелили красный ковер и разложили на нем талисманы, драгоценности и принадлежности для письма. Она поняла: пришло время действовать.

Все присутствующие увидели, как только Цзян Чэна опустили на ковер, он начал быстро перебирать ручками и ножками, направляясь к той самой семье из трех человек. Служанка, видя, что он вылезает за пределы ковра, хотела поднять его, боясь, что он оцарапает ноги. Но

мальчик начал так отчаянно кричать и дрыгаться, не сводя глаз с Вэй Усяня, что та отступила.

Маленький Вэй Усянь, хоть и был несмышлёнышем, почувствовал, что этот младший братик хочет быть к нему ближе, и сам потянулся к малышу.

В пространстве в горчичном зерне:

— Скорее, Ваньинь! Наш брат протянул руку, хватай его! Я не достаю, быстрее!

Маленький Цзян Чэн ловко схватил протянутый палец Вэй Усяня. Колесо судьбы пришло в движение.

У-ю с облегчением смотрела на эту сцену:

— Отлично, схватил! Ваньинь, в этот раз ты его не упустил. Не повторяй ошибок прошлого, когда из-за одной оплошности во время охоты на водяных губителей в Гусу ты потерял его на всю жизнь...

У-ю не успела стереть с лица материнскую улыбку, как почувствовала, что у неё чешется подошва:

— Э? Что это ко мне прилипло? Надо оторвать и посмотреть...

...

Неизвестный сплетник: Эй, слышали? Говорят, молодой господин ордена Цзян на церемонии выбора предметов левой рукой схватил талисман, а правой — сына Вэй Чанцзэ, и никого не подпускал, не разжимая рук!

<http://bllate.org/book/21513/2206483>